

3. Ценовой (суммовой) критерий применяется как к сделкам между взаимозависимыми субъектами, так и к сделкам, предметом которых является стратегический товар. При этом необходимо учитывать установленную НК повышенную цену сделки, в которой анализируемой стороной выступает крупный плательщик, перечень которых не утверждается МНС, а условия отнесения плательщика к крупному предусмотрены ст. 82 НК.

Литература

1. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) : 29 дек. 2009 г. № 71-З : принят Палатой представителей 11 дек. 2009 г. : одобр. Советом Респ. 8 дек. 2009 г. : ред. Закона Респ. Беларусь от 22.04.2024 г. // ilex : информ.-правовая система (дата обращения: 01.04.2025).

2. Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2012–2025. – URL: https://nalog.gov.by/organizations/transfer_pricing/controlled_transactions/ (дата обращения: 01.04.2025).

3. Круглый стол. МНС: новшества 2024 г. в контроле трансфертного ценообразования // ilex : информ.-правовая система. – URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BEPI/98036/#M100001> (дата обращения: 01.04.2025).

К вопросу об уголовно-правовом значении эвтаназии

*Шадурская Д. С., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Шаблинская Д. В., доц.*

Благодаря интенсивному развитию медицины вопрос жизни и смерти часто становится вопросом выбора, причем этот выбор осуществляется не только человеком, о жизни и смерти которого идет речь, но и другими лицами. Когда процесс смерти находится под контролем, тогда «право умереть» становится проблемой: является ли право на жизнь не только правом, но и долгом или обязанностью, должно ли общество охранять жизнь человека помимо или вопреки его воле?

Следует отметить, что, прежде всего, эвтаназия – это этический вопрос. Право распоряжаться своей жизнью каким бы то ни было образом – одно из неотъемлемых личных прав человека. Этическим аспектом данной проблемы является безусловное уважение к жизни пациента. Если нет возможности прервать или замедлить развитие болезни, если больной обречен, качество жизни становится более важным, чем ее продолжительность. При данном подходе решение о том, что важнее для больного – продолжение его жизни вообще или продолжение жизни определенного качества, принимает фактически не сам человек, а кто-то другой за него. В связи с этим возникает вопрос о праве этого другого (врача, родственников) на такое решение [2].

С одной стороны, легализация эвтаназии может породить начало злоупотребления и впоследствии общественно опасной деятельности. Эвтаназию смогут применять даже к тем, кто в ней остро не нуждается. Например, к детям-инвалидам, одиноким пожилым людям или же к лицам, инфицированным синдромом приобретенного иммунодефицита человека. Признание эвтаназии также может спровоцировать упадок медицинских исследований по поиску путей лечения отдельных заболеваний.

С другой стороны, орган неизлечимого пациента может спасти другого человека, дав ему шанс жить дальше. К тому же многие умирают, так и не дождавшись получения донорских материалов. Выходит, оценивая эвтаназию лишь с позиции зла, мы теряем сразу две жизни.

В любом случае, принимая решение о введении института эвтаназии, любое государство обязано иметь в виду, что право на жизнь является неотъемлемым и основополагающим правом человека, которое и порождает все остальные права, являющиеся лишь второстепенными относительно этого права.

Проблемы, связанные с эвтаназией, волнуют законодателей и общественность многих современных государств, становятся предметом обсуждения и исследования специалистов разных областей. Следует понять, что никакое право не может предусмотреть все частные случаи. Решения, принимаемые медициной, не могут быть заменены правовыми. Особенно это касается человеческой жизни. Но такая проблема, как эвтаназия есть, и она требует решения, в том числе и правового. На наш взгляд, активная эвтаназия, предполагающая активные медико-социальные действия врача [1], по крайней мере, в настоящее время не имеет права на жизнь, так как скрывает массу возможностей для неправильного применения акта эвтаназии. Единственным способом проявления эвтаназии в нашем обществе может являться пассивная эвтаназия. Пассивная эвтаназия предполагает отказ от проведения или прекращение медико-социальных мероприятий, направленных на спасение жизни пациента (например, отключение жизнеобеспечивающей аппаратуры) [1].

В связи с этим необходимо четко и недвусмысленно сформулировать законодательную норму, согласно которой больной имеет полное право знать свой диагноз, возможные последствия болезни, степень риска неблагоприятного исхода при отказе от лечения, степень надежды на выздоровление. Если больной находится в вегетативном состоянии, следует определить необратимость такого состояния.

Если и допустить мысль о легализации эвтаназии, то она должна отвечать трем основным условиям: эвтаназия должна быть добровольной, только врач может оказывать помощь или осуществлять эвтаназию, состояние пациента должно быть, с медицинской точки зрения, неудовлетворительно.

По нашему мнению, введение эвтаназии на законодательном уровне все же будет являться ошибкой, поскольку, по сути, станет «коридором» для

совершения противоправных деяний против жизни людей и последующего сокрытия преднамеренного убийства под видом эвтаназии, что существенно затруднит работу правоохранительных органов. Кроме того, по нашему мнению, нередко эвтаназия является способом облегчить жизнь не самого человека, а людей, осуществляющих уход за ним, а потому целесообразнее вкладывать ресурсы в развитие специализированных учреждений по уходу за больными и престарелыми людьми. По этим же причинам мы настаиваем все же на приоритетности развития качественной паллиативной помощи.

Литература

1. Гюлишанова, И. А. Понятие и виды эвтаназии / И. А. Гюлишанова // Юристъ-Правоведъ. – 2009. – № 6. – С. 23–27.
2. Рабчёнок, В. О. Право человека на смерть. – URL: <https://rm.coe.int/146-16808e6345> (дата обращения: 09.04.2025).

General Competence of APEC Bodies in Digital Trade

*Zhou Y., PhD student, BSU,
Nataliya Maroz, PhD, Associate Professor*

APEC facilitates digital trade among member economies, with its institutional framework crucial for coordinating efforts under international law. This article analyzes its general and specialized digital trade bodies, comparing them to counterparts in other regional organizations.

APEC's highest-level bodies, including annual Leaders' and Ministerial Meetings, operate under a non-binding soft law framework established in 1989. These bodies set agendas like the 2017 Internet and Digital Economy Roadmap, prioritizing cross-border data flows and digital infrastructure [1]. Though not legally binding, their declarations foster regional policy alignment and may contribute to customary international law through consistent state practice. For example, APEC's "data free flow with trust" principle has influenced emerging norms in WTO e-commerce negotiations [2].

The Senior Officials' Meeting (SOM) coordinates APEC's 40+ working groups under a consensus-driven model. Legally, SOM acts as an intermediary, translating Leaders' Meeting declarations into actionable initiatives (e. g., digital trade capacity-building programs). Its reliance on voluntary compliance underscores APEC's preference for flexibility over rigid legal frameworks, a feature critiqued as both a strength (adaptability) and weakness (enforcement gaps) in international economic law [3].

The Committee on Trade and Investment (CTI) spearheads APEC's digital trade facilitation efforts, including the APEC Paperless Trading Initiative and